

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

СТЕРЕОТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Н.Ф. Алефиренко

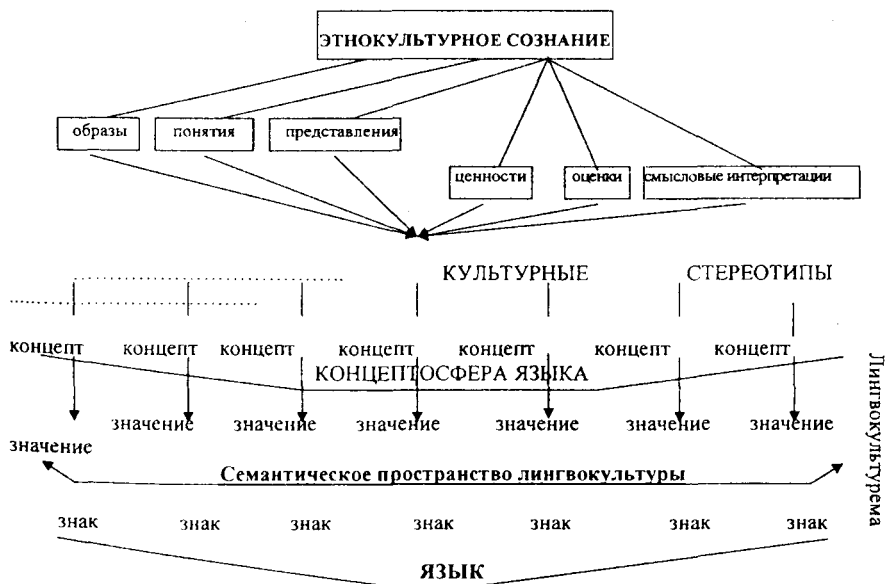
Россия, г. Белгород, Белгородский государственный университет
alefirenko@bsu.edu.ru

Лингвокультурологическая аксиома – «культура обладает этноязыковой спецификой» – утвердилась в гуманитарных науках издавна. На первый взгляд, кажется, что данное положение действительно не требует доказательства. Однако вопрос о том, чем обуславливается неповторимость и оригинальность той или иной лингвокультуры всё же остаётся открытым. Этот вопрос с завидным постоянством возникает потому, что многие элементы сами по себе не всегда являются уникальными для той или иной лингвокультуры. Они повторяются во множестве лингвокультур. И всё же этноязыковая специфика культуры остаётся актуальным предметом изучения в разных областях науки. С точки зрения философии, уникальность этнокультуры создаётся той системой организации элементов опыта, которая свойственна лишь данной культуре (Polok K., 2008: 354). С точки зрения психологии, уникальность этнокультуры обуславливается тем, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит *своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем*. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видения мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» (*выделено нами* – Н. А.) (Леонтьев А.А., 2001: 20). С точки зрения лингвокультурологии, объяснение самобытности этнокультуры следует искать в различных конфигурациях языковых знаков, репрезентирующих стереотипные образы познаваемых предметов и явлений. Такие образы являются когнитивным основанием формирования культурных концептов (Алефиренко Н.Ф., 2010: 199). Действительно, любой культурный концепт рождается как образ, но, однажды появившись в сознании человека, этот образ способен усложнять и обогащать свою смысловую структуру. С увеличением уровня абстрактности культурный концепт постепенно превращается из предметно-чувственного образования в собственно когнитивную структуру этноязыкового сознания, которое само по себе является проблемным феноменом лингвокультурологии.

Сложность истолкования этноязыкового сознания объясняется тем, что современная лингвокультурология не в состоянии раскрыть глубинные меха-

низмы амальгамирования категорий познания и лингвокультуры. Прежде всего, проблемным является само понятие этнокультурного, сознания.

Если *сознание* в когнитивистике – это высшая, понятийная, форма отражения человеком действительности и его отношения к отражаемому объекту, то этноязыковое сознание является высшей духовной категорией, представляющей собой ассоциативно-смысловую форму стереотипного отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного сообщества. В соответствии с таким пониманием этнокультурного сознания его структурными компонентами являются, с одной стороны, когнитивные элементы (образы, понятия, представления) и некогнитивные элементы – продукты наших переживаний (чувства, эмоции, воля и др.). Другой не менее важный блок компонентов этнокультурного сознания составляют те элементы культуры (ценности, оценки, смысловые интерпретации и т.п.), которые приобрели статус этнокультурных стереотипов, вербализуемых языковыми единицами. В этнокультурном сознании стереотипы и языковые единицы образуют устойчивые знаки – лингвокультуремы, которые служат своего рода матрицей семантизации объектов лингвокультуры.

Вопрос о правомерности выделения этноязыкового сознания в отдельную категорию остается в науке открытым. Считается, что любое сознание непременно объективируется культурно маркированным семиотическим кодом. Однако не лишена смысла и другая точка зрения, согласно которой когнитивные процессы, конечно же, опираются на знаковые опосредователи, но ими могут быть не только знаки языковые, но и другие семиотические средства передачи информации. Как уже отмечалось, любая семиотическая система служит своеобразным «языком» или, точнее, кодом хранения информации в нашей памяти и её декодирования в процессе речевого общения, т. е. передачи информации.

По мере совершенствования и усложнения лингвокультурной среды человека звуковые сигналы превращаются в некую систему символов (знаков), наиболее совершенными из которых являются языковые. Очевидно, изначально такие знаки имели непосредственные (прямые) связи с предметами окружающего мира. Затем произошло замещение и полное вытеснение реальных связей условными, в результате чего знаки стали воспроизводимыми. Это свойство необходимо языку не только для того, чтобы, подобно генетическому коду, хранить и передавать информацию, но и для выполнения культурных, в том числе и стереотипных, функций. Поскольку свойство изоморфизма генетического и языкового кодов обуславливается, надо полагать, единством глобального эволюционного процесса, оно служит глубинным механизмом перекодирования информации из структуры когнитивной стереотипизации (фреймов, концептов, гештальтов и др.) в структуры языковых стереотипов, являющихся основой когнитивно-культурной синергетики языкового сознания¹.

Этнокультурное сознание – результат отражения и стереотипного восприятия образа мира, осуществляющихся в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, которая системно организует базовые концепты той или иной национальной культуры. Ср.: *Конечно, мы ожидали от нашей сборной большего, но все-таки это не повод опускать руки, посыпать голову пеплом и бить себя веригами. Конечно, это повод для серьезного анализа и оргвыводов. Надо исправить ситуацию и создать все условия для выступления на Олимпиаде в Сочи в 2014 году*", – сказал Путин при открытии Центра дзюдо в Тюмени. (Спорт-экспресс, 26.02.2010). Фразема *посыпать голову (главу) пеплом* – ‘горевать, сокрушаться, глубоко переживать’ – пришла в русский язык из Библии: у древних иудеев был обычай посыпать голову пеплом, оплакивая собственное несчастье или несчастье своих близких.

В связи с этим специфику каждой этнокультуры определяет структурированная совокупность вербально закодированных основных духовных

¹ В отличие от культурного концепта, стереотип культуры – это инвариантный образ одного из фрагментов картины мира, схематично-инвариантная «картинка», культурно обусловленное *протовербальное* представление, зафиксированное этнокультурным сознанием в процессе социализации личности, освоения ею вторичного опыта. Концепт же культуры – производное *лингвосемиотической* системы, свернутая точка потенциальных смыслов, не обретших своей формы и явленных в таких своих содержательных формах, как образ, понятие и символ; «своеобразный культурный ген, входящий в генотип культуры».

ценностей, традиций и обычаев народа. Прежде всего, этнокультурной значимостью отмечены стереотипные языковые единицы: идиомы, паремии, языковые метафоры и устойчивые стилистические фигуры. Так, в приведённом выше примере *бить себя веригами* – трансформированная фраза от *нести вериги* – ‘терпеть тяжесть нужды, горе’, где слово *вериги* обозначало цепи и другие, носимые спасающимися на голом теле, стесняющие движение, предметы. Первоначально веригами назывались тюремные кандалы, цепи. Вес вериг может достигать десятков килограммов. Российский стереотип не признаёт полумер: бить – так чем-нибудь весомым. На столь неожиданную фразу в Интернете появились отклики. Некоторые из них выстроены на буквализации фраземы. Так Олег Казаков, например, пишет: «... фразеологизм *бить себя веригами* заставил задуматься над жуткой картинкой. Вериги – это железные цепи, оковы, надеваемые с аскетическими целями. Это не плётка, которой фанатики себя секут, умерщвляя плоть, а железо, которое носят. Ну, типа, металлисты. Вот и получается какая-то садо-мазо-несуразица: раб на галерах, секущий себя цепями. Хичкок отдыхает...». Автор с точки зрения этимологии, конечно, прав: в словаре В.И. Даля читаем: «Смирять плоть свою *веригами*, постом». Вериги – железные оковы, узы, цепи, носимые подвижниками христианской веры, и первоначально были они принадлежностью монахов-аскетов. Вот и считают некоторые, что в цитируемое выражение закралась ошибка, дескать веригами себя не бьют – это тяжелые железные цепи...

Однако в тексте «Видения Страшного Суда Христова, бывшего Григорию, ученику преподобного Василия Нового» содержится сочетание слова *вериги* с глаголом *бить*. Ср.: *Затем явились Ангелы огненные, и бивши их немилосердно веригами, низвергнули в бездну адскую. А Святой Животворящий Дух взошел со славою туда, откуда сошел* (электр. ресурс: www.zaistinu.ru). Ср. фразеологическую конфигурацию в поэзии иеромонаха Романа (Матюшина) «Да исправится молитва моя»: *Вздохи слышатся и стоны: "Боже, не оставь меня". / И юродивый поклоны / Бьет, веригами звеня*. Трансформированная фраза *бить себя веригами* появилась, видимо, под влиянием речевого стереотипа *кидать (бросать, швырять, запускать) камень* в кого, точнее под давлением его смыслового содержания побивание (т.е. забрасывание кого-л. До сильных ушибов или смертельного исхода) камнями – один из видов публичной казни осуждаемых в Др. Иудее (см. Евангелие, Иоанн, 8, 77).

В своей совокупности эти языковые стереотипы образуют в нашем сознании культурно обусловленное смысловое поле этноязыкового сознания, элементы которого в яркой образной форме представляют наиболее важные для данной этнокультуры объекты – предметы, события, факты. Стереотипные представления о культурно значимых объектах, зафиксированных в концептах, фреймах, скриптах и сценариях, связаны с прототипическими признаками тех или иных классов познаваемых и вербализуемых предметов.

Прототипический подход к семантике предполагает, что категории выступают в наиболее ярких и презентабельных образцах (Лакофф Дж., 1988; Langacker R.W., 1997). *Прототип* – это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и во многих случаях – наиболее высокой степенью регулярности функционирования. Одним из общих свойств инварианта и прототипа является свойство относительности, суть которого состоит в том, что рассматриваемое значение может быть производным от прототипа более высокого уровня и вместе с тем быть прототипом по отношению к тому или иному семантическому варианту, находящемуся на более низкой ступени иерархии.

Соотношение рассматриваемых понятий обуславливает алгоритм инвариантно-прототипического анализа, помогая 1) решить вопрос истолкования данного семантического феномена как категориального значения, представляющего собой инвариант; 2) определить сеть (ряд) вариантных реализаций изучаемого категориального значения (наличие вариантности предполагает использование понятия прототипа как эталонного варианта, наиболее ярко выявляющего специфику данного значения); 3) исследование вариантов начинается с прототипа как эталона, затем рассматриваются отдельные этапы перехода эталонных свойств к свойствам единиц, находящихся в заядерной зоне, затем на ближней и, наконец, на крайней (дальней) периферии (см. работы А. В. Бондарко).

Прототипические признаки – это те свойства, которыми характеризуются предметы соответствующего класса. Причем набор таких признаков и их иерархия в каждом национальном языке «свои». Иными словами, одни и те же объекты воспринимаются и кодируются этноязыковым сознанием в соответствии с выработанными в данном этнокультурном сообществе представлениями о данном классе предметов. И это при том, что логически механизмы их концептуализации остаются универсальными (ср.: «концепт – эпистемологическое образование» – Приходько А.М., 2008: 48). Одинаковые концепты в разных языках могут иметь различные вербальные репрезентации. Ср. пословицы, выражающие в разных языках концепт «Безделье»: 1) рус.: *наговорить (наврать) с три короба; наговорить сорок бочек арстантов* укр.: *наговорити (набалакати, наплести) сім кіп, наговорити три мішка гречаної вовни*; 2) рус.: *носить воду решетом, толочь воду в ступе, искать вчерашний день, считать ворон, гонять собак*; укр.: *товкти воду в ступі, горобцям дулі давати, ханьки м'яти*; польск.: *podpierać ściany (piec), chodzić na wagary*; чеш.: *snít v peci sušiti, chytat hejly, střileti panu bohu do oken*.

К номинативным единицам высокой национальной нагруженности, по данным А. Г. Гурочкиной, относятся, прежде всего, обозначения бытовых реалий (одежда, украшения, денежные единицы, музыкальные инструменты и т. д.), антропонимы, топонимы, названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции (Гурочкина А.Г., 2001: 122-123).

Ср.: белорус.: *па Сенькі (па Саўку, Хомку, Юрку) шапка*; рус. *по Сеньке (Стеньке) (и) шапка*; укр. *по Савці свитка*. Другой номинативной единицей, ядерный компонент лексического значения которой национально обусловлен, является коннотативная лексика. Например, одних и тех же животных народы разных стран наделяют различными качествами (*свинья – амер. ‘грубиян, жадина’*; рус. – ‘*неряха, грязнуля*’).

Специфика наименования, представления того или иного объекта, явления или процесса отдельным этноязыковым коллективом обусловлена его особым (стереотипным) видением мира, определяемым культурной моделью, существующей в национальной традиции, и ее языковой проекцией. Изучение культурно маркированных языковых образований, отражающих представления о мире внутри отдельной национально-культурной традиции, формирующей свой состав словаря и определяющей особенности дискурсивной организации текста, позволит выявить специфику восприятия и познания мира разными народами, и характер её отображения в этнокультурной архитектонике языкового знака.

Поскольку под стереотипом понимается субъективно детерминированное представление <...>, в котором находят отражение *объективные и оценочные признаки называемого предмета или явления*, выделенные в результате интерпретации действительности в рамках социально релевантных познавательных моделей, лингвокультурные стереотипы обуславливают характер коннотаций языковых значений, создают трудно уловимую этносемантическую ауру языкового знака. Они, несомненно, связаны с внутренней формой слова, с мотивировкой его значения. Однако, несмотря на свою неуловимость, внутренняя форма, как и коннотация, может обрываться говорящими в их дискурсивной деятельности и влиять на употребление слова. Внутренняя форма утрачивается, если семантическая связь перестает осознаваться носителями языка. В когнитивно-семиологическом описании социокультурные стереотипы соотносимы с понятием *прототипа*, ставшим для Э. Рош основным в современной когнитивной психологии. Для когнитивно-семиологической парадигмы лингвокультурологии это понятие ценно тем, что помогает осмыслить процессы категоризации, в значительной степени зависящие не только от собственно когнитивных механизмов, но и от того культурно-дискурсивного пространства, в котором находится человек. Опыты Э. Рош показали, что любая категория имеет внутреннюю структуру, состоящую из *центра* (прототипа) и *периферии*. В соответствии с этим можно утверждать, что лингвокультурным стереотипом является некий эталонный член данной категории, в котором воплощены наиболее характерные ее (категории) признаки. Метонимическое мышление позволяет по прототипу опознавать всю категорию в целом, формировать лингвокультурный стереотип.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. М.: Флинта-Наука, 2010.

Гурочкина, А. Г. Этнокультура и языковое сознание / А. Г. Гурочкина // Филология и культура: материалы III Междунар. науч. конф. Тамбов, 2001. Ч. 3. С. 122-123.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-416.

Приходько, А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.

Langacker, R. W. The conceptual basis of cognitive semantics // Language and conceptualization / Ed. by J. Nuyts and E. Pederson. Cambridge, 1997.

Polok, K. O czym zapomniiał (?) Noam Chomsky, albo o miejscu kultury w języku // Język poza granicami języka: Teorija i metodologia współczesnych nauk o języku. Pod red. A. Kiklewicza i J. Dębowskiego. Olsztyn, 2008. С. 349-364.

МИФОЛОГЕМЫ В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В.Н.Базылев

Россия, г. Москва, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина
vladimir@4unet.ru

Если попытаться сегодня короткой формулой определить основную сущность когнитивного подхода в лингвистике, то возможна такая формулировка: язык и знание во всех аспектах. В том числе аспекты, которые в прошлом иногда разграничивались как две функции языка, а именно: когнитивная функция и кумулятивная, то есть роль языка в познании мира и роль языка в концентрации и хранении знаний о мире.

Но в рамках когнитивного подхода это объединилось, и, как считает В.А. Виноградов, не актуально их разграничивать, это просто разные аспекты одной большой проблемы (Виноградов В.А., 2007: 6). Эта тема необычайно многообразна, потому что уже в самом понятии «знание» заключены два содержания, есть два рода знаний – знания обыденные, которые иногда называют «житейский опыт», знания о мире, которые вытекают из опыта нашей жизни и взаимодействия с окружающим миром, и научные знания, сформированные специальными научными исследованиями. И.Т. Касавин предлагает оппозицию: знание вненаучное – знание научное (Касавин И.Т. 1998). Соответственно различают две картины мира: наивную и научную. Представление о том, что об одном и том же существуют разные суждения и даже разные системы воззрения, а не только отдельные мнения, в общем, было известно довольно давно. Но собственно экспериментальных исследований в рамках когнитивной лингвистики – их мало. Их мало, прежде всего, применительно к славянскому языковому ареалу по сравнению с зарубежными и даже отечественными анализами языкового материала, например, германских или романских языков.